

Глава 59. Интерлюдия: щенок

Потусторонний мир разрушился, и Эрик с сожалением сказал:

— Эта железная дорога тянулась с юга Федерации до самого севера. Если бы её удалось сохранить, от неё было бы много пользы.

Но поделаться было ничего нельзя.

Точно так же, как невозможно разбудить человека, который делает вид, что спит, невозможно и силой удержать того, кто уже не должен был жить и сам решил похоронить всё вместе с собственной смертью.

И всё же Ю Лянь и Ю Шань оставили после себя кое-что.

Толпу выживших, которые, снова увидев свет, с визгом носились, рыдали, скакали и орали от счастья.

Признательное письмо с признанием всех преступлений от «Юаньян».

Уродливую до невозможности статуэтку кота.

И одного сломленного мужчину вместе с его восьмидесятитрёхлетним отцом.

Ладно, если честно, оставили они очень много всего.

После ареста Хань Цзэ перестал буянить. Он безропотно позволил антитеррористической полиции связать себя и затолкать в машину. Уже перед самым отъездом он сказал Ли Вэю:

— Новичок, тебе ещё тренироваться и тренироваться.

Ли Вэй, который в этот момент с духом уровня Гуань Ю, будто при операции соскребал с себя последние остатки рыбьей чешуи:

— ...

Он нарочито огляделся по сторонам и спросил:

— Никто, случайно, не видел по дороге зуб? Я выбил его у этого господина. Если кто нашёл, верните ему, пожалуйста.

Хань Цзэ яростно фыркнул и под напором полицейских заткнулся, стараясь не открывать рот, через который теперь свистел воздух.

— Какой же он раздражающий, — сказал Ли Вэй, глядя вслед удаляющейся машине. — При случае я ему ещё раз обязательно врежу.

Дрейтон сделал вид, что ничего не услышал.

— Дрейтон? — Ли Вэй потёр кожу. — У меня на спине, кажется, ещё осталось несколько чешуек, до которых я не дотягиваюсь. Не посмотришь?

— Может, просто дождёшься, пока они сами отпадут?

— Раз уж всё дошло до этого, хочется уже закончить начисто, — сказал Ли Вэй. — Просто скажи, есть они там или нет. А дома я уже сам разберусь.

Дрейтону ничего не оставалось, кроме как воспользоваться моментом, пока никто не смотрит, оттянуть ворот рубашки Ли Вэя и заглянуть внутрь.

Посмотрев, он сразу отвёл взгляд и, сохраняя невозмутимое лицо, сказал:

— Вроде есть.

Ли Вэй: «...»

Он не выдержал и рассмеялся:

— Что значит «вроде»?

— Это значит, что ты дёрнулся, и я не успел разглядеть.

— Тогда посмотри ещё раз.

— Это общественное место, господин Ли Вэй.

— Ну будь разумнее, господин Дрейтон, я же просто прошу посмотреть мне на плечо, а не на что-то неприличное. На поезде ты так не стеснялся.

Ли Вэй придвинулся ближе и тихо сказал:

— Куда твои руки только не лезли. Раз трогал, значит, уже и видел.

Эта фраза ощутимо задела Дрейтона. В тесном общении с Ли Вэем у него по любому поводу возникало желание злиться хотя бы трижды в день. Просто на поезде было слишком опасно, и приходилось терпеть.

— Иди сюда, — сказал он.

Он схватил Ли Вэя за ту руку, которая не была ранена, и отвёл его в более укромное место.

— Ты сам расстегнёшь рубашку или мне это делать за тебя?

Если честно, когда Дрейтон сердился, Ли Вэю хотелось смеяться ещё сильнее. Он прикусил кончик губы, кое-как подавил улыбку и самым серьёзным тоном ответил:

— Прошу тебя.

Дрейтону очень хотелось врезать кому-нибудь. Но он снова с железной волей это подавил. Сам расстегнул Ли Вэю две пуговицы, приспустил рубашку до половины плеча, взглянул и сказал:

— Да, чешуя ещё есть.

Ли Вэй старательно попытался посмотреть назад, но, конечно, ничего не увидел:

— Где именно?

— Вот здесь. — Дрейтон нажал пальцем на одну из чешуек.

Ли Вэю сперва стало просто любопытно, но терпение быстро закончилось:

— Я всё равно не понимаю, где. Дорогой начальник, ты не мог бы нажать чуть сильнее? Мы бы уже всё закончили, если бы ты по какой-то причине не мямлил...

Он не успел договорить.

Дрейтон ногтем провёл по стыку между чешуёй и кожей.

Острая, пронзающая до самой макушки боль, такая, как если задеть самое зудящее место, заставила Ли Вэя дёрнуться и резко втянуть воздух. Остаток фразы застрял у него в горле.

— Теперь почувствовал, господин Ли Вэй? — без особого выражения спросил Дрейтон, разминая пальцами чешуйки и кожу вокруг них. — Или мне ещё раз показать?

Не дожидаясь ответа, он снова, не слишком сильно, но очень точно провёл кончиком пальца по тому же месту.

Ли Вэй аж несколько раз вздрогнул подряд и, уворачиваясь, схватил его за руку:

— Не надо... тсс, не надо больше показывать, начальник.

Для некоторых людей кокетничать, просить пощады и изображать слабость — дело не сложнее, чем поесть или попить.

Но в нужный момент самоконтроль у Дрейтона был железный.

— Я давно хотел об этом сказать, — медленно начал он, наконец взявшись за старые долги. — Ты оставил нефритовый кулон Фудзивары Рюити мне. Хотя на самом деле он нужнее тебе. В следующий раз, когда что-то подобное повторится, я хочу, чтобы ты больше думал о себе.

Ли Вэй: «...»

— О чём ты задумался? — спросил Дрейтон.

— Думаю, в каком это вообще было году, начальник.

Он нарочно сделал вид, будто изо всех сил напрягает память, и выглядел в этот момент настолько мило, что Дрейтон снова вспомнил слова Слепой Трости.

Ещё на поезде Дрейтон твердил себе, что надо держать дистанцию и учитывать состояние Ли Вэя. После той сцены, когда Ли Вэю привиделось лицо Райнера Ливиуса, а потом ещё последовал долгий разговор с Ю Лянем, Дрейтон опасался, что у него останется тяжёлый осадок.

Но, как уже было сказано раньше, мысли Ли Вэя казались ему по-прежнему непредсказуемыми. И тот с завидной лёгкостью продолжал ходить по самой грани его терпения.

— Думай сколько хочешь, — сказал он. — Я ещё могу привести с десятков примеров, когда ты игнорировал приказы, дерзил начальству и действовал на свой страх и риск.

— Ну а что вы хотели, вы же меня буквально с улицы подобрали. Дешёвый лутбокс всегда хуже, чем модель под заказ.

Ли Вэй сказал это просто так.

Но Дрейтон в ответ окинул его оценивающим взглядом, мысленно сложив вместе те редкие случаи, когда Ли Вэй говорил о себе почти презрительно, и ту обрывочную историю детства, о которой он рассказал Ю Ляню.

А следом вспомнил своё первое впечатление от него при знакомстве: несоответствие между прожитым опытом и уровнем самоуважения.

Если говорить проще, низкая самооценка Ли Вэя — или, если уж без профессиональных формулировок, его глубинное неприятие самого себя — совсем не походила на то, что свойственно человеку из счастливой семьи, с дипломом престижного университета, которому жизнь не раз давала и любовь, и успех.

Он умел превратить собственную уязвимость в шутку или насмешку над собой, заранее снимая у других желание ударить туда сильнее.

При этом Ли Вэй вполне объективно оценивал и свою внешность, и свои способности, но почему-то не верил, что кто-то другой может по-настоящему отозваться на эти достоинства положительно.

Например, он прекрасно знал, что красив.

Но использовал внешность не потому, что верил: за красоту его будут любить.

А потому, что знал: красота вызовет желание обладать им, унижить, очернить. Он выбрал заранее принять это, встроить в себя и превратить в оружие, чтобы сохранить инициативу — и в действиях, и в голове.

Поэтому каждый раз, когда Ли Вэй сам начинал его дразнить, Дрейтон, как вполне нормальный человек, пусть и отзывался на это, но в глубине души хотел спросить только одно: что ты на самом деле об этом думаешь?

Ты этого действительно хочешь?

То, что ты называешь «нравится», — это то же самое, что мы оба называем «нравится»? Это про здоровое чувство? Про что-то живое и светлое?

И, самое главное — что именно когда-то сделал Райнер Ливиус?

И ещё.

— Только роботов собирают под заказ, господин Ли Вэй. Мне очень не нравится, когда ты так говоришь, — намеренно вежливо, но холоднее обычного сказал Дрейтон. — Этим ты ставишь под сомнение мой выбор.

Ли Вэй замолчал.

И ещё Дрейтон давно заметил — ещё на поезде — что, в отличие от мягкой поддержки и размытых слов утешения, на него почему-то куда лучше действует именно жёсткость.

— Подойди ближе. Мне нужно поправить тебе рубашку.

Под его приказом Ли Вэй послушно шагнул вперёд. В таких мелочах он был удивительно

покладист, что тем резче контрастировало с тем, как он в решающий момент всегда делал наоборот.

Склонность защищать себя может одновременно порождать и избыточную зависимость, и отказ от близких отношений.

От этих мыслей у Дрейтона разболелась голова.

Он ведь не диссертацию пишет. Ему вовсе не нужна была бездонная тема, в которую можно копать всё глубже и глубже. Гораздо сильнее ему хотелось, чтобы внутренний мир Ли Вэя был проще. Чтобы тот действительно был таким, каким кажется снаружи: ярким, живым, беззаботным молодым человеком, у которого впереди ещё целая золотая жизнь.

Он вытянул руку, но не сразу взялся за одежду. Вместо этого, чтобы хоть как-то унять собственную головную боль, запустил пальцы Ли Вэю в волосы.

Это было следствием привычки, выработанной на поезде. Грубоватые, но мягкие чёрные кудри на ощупь были великолепны. Слово «пушистый» подходило им идеально. Жаль только, что после Хань Цзэ концы стали заметно короче — со временем их надо будет подровнять.

Сам Ли Вэй на его руку внимания не обратил. Он просто опустил голову и принялся застёгивать рубашку.

И вот как раз в тот момент, когда он был полностью сосредоточен на пуговицах, а рука Дрейтона всё ещё лежала у него на голове, сзади вдруг раздался голос:

— Начальник, на краю Потустороннего мира мы нашли щенка... э... простите, что помешал! Я не специально!!

Дрейтон: «...»

Он убрал руку и сунул её в карман пальто, молча подумав: ну конечно, классика.

Щенок с коричневыми кудряшками выскользнул из рук пришедшего и, спотыкаясь, побежал к Ли Вэю. Тот узнал в нём того самого пса, что лежал у ног Ю Ляня. Наверное, Ю Лянь подобрал его уже после превращения в злого духа.

— Иди сюда, иди, — мгновенно забыл Ли Вэй и о пуговицах, и о том, как всё это выглядит со стороны. Он сразу присел, начал возиться с собакой, и щенок, похоже, действительно очень к нему тянулся. Уже через мгновение он валялся у его ног кверху пузом и принимал ласки.

Вдали несколько женщин-полицейских то и дело поглядывали в их сторону — видимо, столь мирная сцена пробудила в них материнский инстинкт.

А Дрейтон лишь чувствовал усталость.

Он сказал тому молодому спецназовцу, который влетел к ним и теперь стоял как вкопанный:

— Оставьте собаку здесь и можете идти. А то, что вы только что увидели...

— Я... я никому не расскажу! — от волнения начал заикаться парень.

— Можете обсуждать это с кем угодно, — сказал Дрейтон.

Потом посмотрел на Ли Вэя и с совершенно неприкрытой усталостью добавил:

— Мы только что вышли с задания. Возможно, нам ещё придётся поговорить с психологом. Если детали операции не засекречены, всё равно все рано или поздно о них узнают. И, возможно, однажды столкнутся с чем-то подобным.

На глазах у молодого бойца страх сменился чуть ли не благоговением.

— Понял, начальник.

Уходя, он отдал Ли Вэю честь. Похоже, тоже уже слышал про тот позывной, который сам Ли Вэй признавать не желал.

Ли Вэй кивнул и чуть улыбнулся. И одним только внезапно возникшим у него авторитетным видом так впечатлил парня, что тот ушёл, обалдевший.

Когда тот скрылся из виду, Ли Вэй продолжил гладить щенка по спине и, обернувшись, спросил Дрейтона:

— Мы правда пойдём к психологу?

— Разумеется, нет. Что там лечить? Нашу привычку к тактильной близости? В Бюро безопасности ведь нет кабинета для гомосексуалов. Я просто сказал это, чтобы от него отвязаться.

Дрейтон уже понимал, что с тем, что происходит с Ли Вэем, обычный психолог всё равно не справится.

Поэтому он решил позволить себе чуть большее.

Позволить Ли Вэю подойти ближе — и заодно самому приблизиться к Ли Вэю.

— Возьми собаку с собой, господин Ли Вэй. Нам пора домой.

<http://bllate.org/book/17014/1653760>